Кто-то закричал, кто оказался вторым наложницей особняка Хуа.

Другие тоже были шокированы, их глаза смотрели на картину, а мимика менялась, когда они видели картину.

Император Чанлонг смотрел на картину, только чтобы увидеть восемь лошадей, которые были великолепны, намереваясь скакать вперед от картины, и стиль живописи был настолько благоговейный, что казалось, что картина была написана Мудрец Живописи.

Конечно, Император не мог быть более знаком с этой картиной. Однажды он кропотливо умолял Мудреца дать ему эту картину, но потом ему пришлось отдать ее в награду Ченгам, которые внесли большой вклад.

После этого, Ченг дал эту картину Хуа Литинга. Император однажды пошутил, что он хочет свою картину обратно, но это была просто шутка, которая должным образом показал любовь императора к этой картине.

Что касается картины, многие люди слышали о ней, но мало кто из них когда-либо видел ее.

Что касается тех, кто присутствовал на картине, никто никогда не видел эту картину, кроме Хуа Цюэ, второй мадам, Хуа Менгши, старой мадам Хуа и нескольких севантов.

Но теперь, крик второй мадам зажег шёпот присутствующих.

"Это поистине картина "Десять тысяч лошадей скачут вперёд!" Выражение лица императора Чанлонга стало немного серьезным, и Вторая мадам вздрогнула и опустилась на колени.

"Ваше Величество, эта картина "Десять тысяч скачущих лошадей" была подарком, который я подарил первой мисс, но неожиданно... что... что..."

Вторая мадам сказала трепещущим голосом. Услышав это, лицо старой мадам Хуа стало суровым, и сложный взгляд прошел мимо ее глаз.

Поскольку вторая мадам тоже была замешана в этом, эта штука казалась не очень простой.

В то же время, что евнух держал огонь и сметал с ним заднюю часть картины, вдруг, строки маленьких символов, которые были в чрезвычайно тонкий почерк, появились в народе. Льву Синь и Юйшуй пришлось прикрыть рот, чтобы остановить крики, которые должны были выйти наружу.

"Украсть тактические секреты западного города из дворца 18 июля, а затем передать их мне". Описанное Хуа Цюйю."

Это действительно был почерк Хуа Цюйюэ.

"Что это? Это действительно наша госпожа... Почерк мисс..." Вышуй сказал низким голосом, но Хуа Цюйюэ спокойно подняла брови, не сказав ни слова.

Как бы Тьянци ни был молод, он все еще чувствовал, что многие смотрят на Хуа Цюйюэ недружелюбным взглядом, поэтому он крепко держал Хуа Цюэ за руку.

"Мама, они выглядят странно, потому что им не нравится мама?"

Тианчи посмотрел на Хуа Цюйю и спросил. Хуа Цюйю нежно ласкал голову Тяньчи: "Тяньчи, ты надеешься, что ты всем нравишься, как это возможно? Самое главное, чтобы жить в этом мире, это иметь чистую совесть".

Тианчи понял это не полностью, а Хуа Цюйюэ нежно ласкал голову: "Тианчи, у тебя есть мама, не бойся".

Услышав это, Тианчи улыбнулся своим мигающим глазом, наполненным невинностью и озорством: "Мама, если кто-нибудь осмелится издеваться над тобой, я beat them спущусь!".

Хотя то, что сказал ребенок, не было оскорблением, сердце Хуа Цюэ стало очень тихим после того, как услышал это.

"Ваше Величество, это было послание, которое Хуа Цюйю оставил мне... На самом деле я намеревался вернуть её после прочтения, но я не думал, что моё местонахождение было раскрыто до того, как я вернул картину в особняк Хуа...". Ван Чжун сказал низким голосом, и выражение лица императора Чанлона было трудно описать.

Императрица с трепетом сказала: "Ваше Величество, это действительно картина "Десять тысяч скачущих лошадей"!

Все люди успокоились и холодным взглядом посмотрели на все происходящее. Атмосфера внезапно застыла, как темнота ночи.

"Старая мадам Хуа, как вы думаете, это почерк принцессы Цзинхуа?" Император Чанлонг был горько разочарован в своем сердце и посмотрел на старую мадам Хуа очень сложным глазом.

Глядя на эти прекрасные почерки, выражение лица старой мадам выглядело плохо, и она посмотрела на Хуа Цюйюэ, которая была очень спокойна. Она сказала пониженным голосом: "Ваше Величество, действительно, почерк... похож на почерк Хуа Цюйюэ, но почерк также можно подражать".

"Старая госпожа Хуа, конечно, почерк можно подражать, но можно ли подражать картине "Десять тысяч скачущих лошадей"? Принцесса Цзинхуа - блестящий гений нашей страны, и я не верю, что она тоже шпионка из другой страны", - сказала императрица с сожалением, и её слова напомнили всем.

Действительно, почерк можно было бы подражать, но картина "Десять тысяч лошадей, скачущих впереди" была шедевром живописи Мудреца.

Никто не мог скопировать такую картину так ярко, не так ли?

Конечно, император Чанлонг думал об этом, поэтому он посмотрел на Хуа Цюэ с угрюмым лицом.

Хуа Цюйюэ медленно подошел и с благоговением сказал: "Ваше Величество, у меня есть несколько вопросов к Ван Чжуну".

"Как пожелаете."

"Ван Чжун, кто передал вам эту картину?" Хуа Цюэ уставилась на Ван Чжуна холодными глазами, и холод, высвобожденный из её глаз, заставил волосы Ван Чжуна встать на ноги.

Ван Чжун выпрямил спину и холодно сказал: "Ты попросил мужчину в черном, чтобы он передал ее мне!".

Хуа Цюйе медленно покачала головой: "Нет, я тебя никогда раньше не видела. Ван Чжун, ты бесцеремонно оклеветал меня, и я боюсь, что эту клятву доказательств нельзя назвать доказательством".

"Хамф, оклеветал тебя? Полмесяца назад ты попросил кого-то другого дать мне его. Ты шпион! Хотя тот, кто связался со мной, не видел тебя раньше, я проследил за человеком той ночью, и он вошел в ворота особняка Хуа!" Ван Чжун указал на Хуа Цюэ и закричал.

"Извините, но двадцать дней назад моя рука была повреждена из-за лекарства от посадки. В результате я был совершенно неспособен писать. Значит, этот почерк - моя копия". Хуа Цюйюэ подняла свою сложную правую руку, только чтобы показать средний палец и большой палец, обернутые густой марлей.

Хуа Менгши и другие были удивлены. Рука Хуа Цюэ получила травму? Почему они не услышали об этом?

"Тогда, принцесса Цзинхуа, как ты можешь объяснить картину "Десять тысяч лошадей скачущих вперёд"?"

Император Чанлонг сказал спокойно, с его глазами, наполненными суровостью.

Картина "Десять тысяч скачущих лошадей" была любимой картиной императора Чанлонга. Если бы не тот факт, что Чэн Шэн, повелитель Чэнов, продолжал просить его об этой картине в то время, император Чанлонг никогда бы не отдал ему эту картину.

Неожиданно, Чэн Шэн должен был подарить эту картину своему зятю Хуа Литу. Но, учитывая великий военный подвиг генерала Хуа, император Чэнлонг должен был подавить свое недовольство в своем сердце.

Но в любом случае, у императора Чанлона наконец-то появились жалобы на Ченгов. И теперь, особняк Хуа был Ци художника на нижней стадии диаграммы Дракона, так что он медленно распустил свое недовольство особняком Хуа.

Хуа Цюйюэ спокойно подняла глаза, и ее глаза встретились с прекрасными глазами императрицы, которые были спокойны, как ночь, чтобы сказать: "Ваше Величество, я также не знаю причину, почему Ван Чжун имеет картину "Десять тысяч лошадей скачущих впереди".

Услышав это, Императрица была немного счастлива внутри.

По словам Хуа Цюэ, казалось, что она, Императрица, победит!

Этот момент она ждала очень долго! Ее любимая дочь умерла из-за Хуа Цюэ, но она была Императрицей, и ее особое положение не позволяло ей смело нанять Хуа Цюэ Хуа. Но теперь, из-за её заговора Хуа Цюэ негде было спрятаться перед императором.

Хотя император любил гениев и предлагал высокие должности ци-художникам, когда дело доходило до предателей, он никогда их не простил. Сегодня был бы день смерти Хуа Ци!

Однако, почему глаза Хуа Ци выглядели такими спокойными? Кроме экстаза, императрица смутно чувствовала беспокойство.

"Хуа Цюйюэ", правда ли то, что сказала вторая мадам? Если это правда, то... что ещё вы должны доказать свою невиновность?" Лицо императора Чанлона стало еще более серьезным и суровым; его суровый взгляд заставил присутствующих гостей удивиться и порадовать.

Юн Шимо спокойно положил чашку. На самом деле, он не очень хотел приходить сюда сегодня вечером, но каким-то образом его заставили присутствовать на этом банкете, приехав с опозданием. Неожиданно, такое великолепное шоу было исполнено сегодня вечером и стоило того, чтобы его посетили.

Но Юн Шимо не волновался, потому что знал, что поскольку Хуа Цюэ была так спокойна, у нее

должны были быть свои решения.

"Ваше Величество, давайте отложим в сторону подлинность этой картины". У меня есть вопрос, - спокойно сказала Хуа Цюэ, - я не знала об этом Ван Чжуне раньше, и даже не видела его раньше". Ваше Величество, моя рука была повреждена, и нечестно верить, что я шпион только по словам Ван Чжуна". Хуа Цюэ сказала спокойно, и ее лицо выглядело спокойным, как будто то, что случилось, было просто куском пирога, совершенно не доставляющим ей хлопот.

Император Чанлонг не мог не восхищаться ее спокойствием.

Как богатые и молодые дамы из знатных семей, они, конечно, были хорошо информированы, но как только они были вовлечены в дело быть предателями и шпионами других стран, они, вероятно, все будут в панике, не так ли?

"Ваше Величество... Мне есть что сказать, но я не уверен в этом..." Прозвучал слабый голос.

Все посмотрели, где прозвучал голос, оказалось, что это мать Хуа Менгши, Вторая Конкубина.

"Говори!"

"Вот в чём дело, Ваше Величество... когда я встала в полночь, позапрошлой ночью, я, наверное, тайно увидела, как Первая Госпожа ушла с задней двери."

Вторая мадам опустила голову и сказала низким голосом.

Хуа Цюйю подняла свои изогнутые брови и спросила: "Вторая наложница, ты уверена, что действительно видела меня?".

Вторая наложница сделала паузу, и она слегка приподняла глаза; когда ее глаза встретились со спокойным взглядом Императрицы, она сильно кивнула: "Да, действительно!

Услышав это, Чжи Цзин тут же встал, но был схвачен старой госпожой. Так как Хуа Цюэ была так спокойна, она должна иметь другие решения!

Тьянци моргнул своими влажными и большими глазами и посмотрел на тех, кто благосклонно улыбнулся Хуа Цюйюэ. Его глаза остановились, и его маленький ротик надулся, думая о чем-то быстро.

Игривая улыбка появилась на лице Хуа Цюйюэ: "Ваше Величество, действительно, Вторая Мадам подарила мне картину "Десять тысяч скачущих лошадей" месяц назад, но что меня смущает, так это то, что я очень хорошо позаботился о картине и повесил ее в зале Двора Цуйхуа". Более того, в случае, если у кого-то были гнусные схемы на картине Мудреца, я

специально взял ее с собой в карету, когда вышел из особняка сегодня вечером. То есть... Ваше величество, картина, которую подарил Ван Чжун, - фальшивая, - спокойно сказала Хуа Цюэ и холодно посмотрела Ван Чжун в глаза.

Эта пешка провалилась. Сегодня ночью не ее конец; это должна быть ночь, когда Второе Конкубина и другие должны быть свергнуты.

Услышав это, Вторая Конкубина и Хуа Менгши немного изменили выражение лица.

"Фальшивый?" Император Чанлонг смотрел на Хуа Цюэ в замешательстве. То, что произошло сегодня вечером, превзошло его ожидания, но каким-то образом он смутно почувствовал, что эти вещи не должны иметь ничего общего с императрицей, верно?

В конце концов, праздничный банкет сегодня вечером устроила сама Императрица. В любом случае, Император Чанлонг был мудрым императором, как он не мог разобраться в связи между этими вещами?

Лицо второй мадам Пан вдруг побледнело. Она была известна своим спокойствием, однако, в этот момент она хотела опровергнуть заявление Хуа Цюэ, потому что она попросила разбойника из Цзяньнаня украсть картину из зала Хуа Цюэ. Как это может быть подделкой?

Однако, сокрытие этого не имело никакого преимущества для Второй Мадам, что означало признать, что она украла картину и подставила Хуа Цюйюэ в рамку!

Но что означали слова Хуа Цюйюэ? Вторая мадам приказала кому-то украсть ее, как это может быть подделкой?

http://tl.rulate.ru/book/22370/925778